

Читайте в серии...

Марин Сэнгель
Ведьма сладкой деревни

СиДжей Лоути
Девочка в чёрном

СиДжей Лоути
Мрак наступает

Катя де Бесерра

КОГДА
ПРИЗРАКИ ПОЗОВУТ
НАС ДОМОЙ

Москва
2026

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-444
Б53

Katya de Becerra
WHEN GHOSTS CALL US HOME

Katya de Becerra © 2023
“This edition published by arrangement with The Deborah Harris Agency
and Synopsis Literary Agency”.

Иллюстрация на обложке *ACell99*
Разработка серийного дизайна *Елена Дукельская*

Бесерра, Катя де.
Б53 Когда призраки позовут нас домой / Катя де Бесерра ; [перевод с английского В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (По ту сторону зеркала. Фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-212160-9

Когда Софии было двенадцать лет, она сыграла главную роль в фильме своей сестры Лейлы под названием «Вермилион» — её героиню терроризировал призрак заброшенного особняка.

Годы спустя София уверена, что все ужасы, свидетелем которых она стала во время съемок, были постановочными. Но у ярых поклонников фильма есть другие теории, и когда Лейла пропадает, София соглашается вернуться в тот злополучный дом.

Чем дольше София проводит в особняке, тем больше она понимает, что все её представления о «Вермилионе» основаны на лжи и забытых воспоминаниях, и только вспомнив правду, она сможет найти свою сестру.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-212160-9

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Хорхе и моим родителям
А ещё Рене, у которой такие отличные идеи*

Смертельный страх так же значим, как любовь.
Он проникает в глубину души и показывает тебе, кто
ты такой. Ты отшатнёшься и закроешь глаза? Или ос-
мелишься подойти к краю и заглянуть в бездну?

Мариша Пессл, «Ночное кино»

Часть 1

Дом

1.

Призраки — это воспоминания; они становятся частью тебя, как плоть и кровь. Этот урок я прекрасно усвоила в Кашор-хаус тем летом, пять лет назад, когда моя сестра Лейла снимала любительский фильм ужасов под названием «Вермиллион», а сам Кашор-хаус служил съёмочной площадкой. «Вермиллион» стал сенсацией арт-хауса. Я, двенадцатилетняя, играла главную роль. Сценария не было, фанаты досочинили его потом. Лейла вообще ничего не писала. «Вермиллион» представлял собой талантливое сочетание жутких сцен — отдельных кусочков и фрагментов, которые сестра собрала воедино при окончательном

монтаже. Хотя я понимала, что, как бы ни раскачивались люстры и ни летала мебель, мне ничего не грозит, но всё равно здорово боялась. Мне и сейчас жутко.

Многое из того времени я помню расплывчато и несвязно, но одно знаю наверняка — это всё было понарошку. Спецэффекты. Так сказала Лейла. И я ей поверила, хотя её зловещий самодельный реквизит казался *слишком* выразительным в залитых луной комнатах Кашор-хауса.

Этот дом годами снился мне в кошмарах.

После выхода «Вермиллион» о моей сестре и её своеобразном творении много писали. Я собирала вырезки и распечатки, а потом, когда шум немного поутих, выбросила всю свою коллекцию. И всё-таки некоторые статьи о Лейле и «Вермиллоне» у меня сохранились, особенно те, в которых автор задавал вопросы, которые и мне не давали покоя. Вот, например, статья из одного блога:

Реалистичный испуг юной героини придаёт достоверности мрачному шедевру Лейлы Галич, а мучения призрака вызывают у зрителя сострадание и пронизывающий до костей ужас... Неудивительно, что этот фильм пробудил интерес у поклонников жанра, положив начало бесчисленным любительским расследованиям и попыткам разобраться в загадочном сеттинге и запутанном сюжете. Неужели маленькая София пережила эти леденящие кровь встречи

с призраком? Действительно ли Лейле Галич удалось снять на камеру настоящее привидение? И правда ли мрачные легенды, окружающие фильм, выходят за рамки снятого? Фанаты — «вэшники», как они себя называют — утверждают, что после просмотра пережили мистический опыт, а в стоп-кадрах и размытых дальних планах заключены подсказки. Я уверена, что любой поклонник хочет спросить у своего любимого режиссёра: «Будет ли продолжение?»

Эсме Крэй, отзыв на «Вермиллион» для «Подвала с привидениями», сетевого журнала, посвящённого авторскому кино в жанре хоррор.

Ну или вот ещё статья, которая уподобила фильм Лейлы одновременно работам Дэвида Линча, Кармен Марии Мачадо и всей классической псевдодокументалистике в жанре хоррор. Как если бы «Вермиллион» представлял собой чудовище Франкенштейна, собранное из чужих фрагментов, идей и настроений.

Лейла редко давала интервью и обсуждала свою творческую позицию — за некоторыми исключениями. Когда настойчивый репортёр на вручении премии «Сатурн» загнал её в угол, она сказала знаменитые слова:

— Люди думают, что в Кашор-хаусе живут привидения. Кто я такая, чтобы это отрицать? Я просто держала камеру.

Обозреватели и критики хвалили меня за «реалистичный испуг» и «правдивые реакции», однако моя детская популярность не шла ни в какое сравнение с культом Лейлы. Она вознеслась на вершины славы, которая затем сожрала её живьём.

И всё из-за дома на утёсе.

Из-за Кашор-хауса.

Летом 2017 года мама и папа, профессиональные архитекторы, заключили контракт на реставрацию приморского особняка, выстроенного в начале двадцатого века. Дом стоял в процветающем калифорнийском городке Ливадия. Такого рода работа предполагает полное погружение. Нам предстояло всей семьей поселиться в этом доме.

Чтобы не прерывать занятия в школе, о работе всегда договаривались на лето. Вместо того чтобы ехать в лагерь или валяться на пляже с друзьями, мы проводили каникулы в каком-нибудь захолустном городишке, пока родители превращали чертежи в реальность.

Кашор-хаус был одним из их крупнейших проектов. В отличие от прошлых раз, нам пришлось сменить школу; а когда мы поняли, что ежедневно добираться на занятия слишком сложно, то перешли на онлайн-обучение. Как будто дом требовал получить нашу семью в своё полное распоряжение. Мама с папой старались его преобразить, а он, в свою очередь, преображал нас.

Просто мы тогда этого не понимали.

2.

Мои воспоминания о Кашор-хаусе полны сомнений. Одни вещи я помню с мучительной ясностью, другие похожи на обрывки давних снов, от которых просыпаешься посреди ночи, стиснув зубы и чувствуя, как кровь стучит в ушах. Странные события вне всякой логики, бурные эмоции, леденящий душу страх.

Первые три ночи в Кашор-хаусе стояла такая тишина, что был бы слышен бег мыши по деревянному полу, если бы за окнами не рокотало море. Когда я, смущённая настороженной тишиной Кашор-хауса, сидела в постели ночью, то видела, как над обсидиановыми волнами в усыпляющим ритме скользят лучи маяка. Поначалу мне это нравилось. Дом очаровал меня своей тихой красотой... он нас всех очаровал.

Кашор-хаус построили в двадцатые годы прошлого века, а в 1933 году его разрушило землетрясение. Он много лет стоял пустым, пока его не купили. Загадочный новый владелец и нанял моих родителей, чтобы отреставрировать особняк. Мы прожили там почти год, в уцелевшем восточном крыле. Лейла говорила, что там останавливались все, кто приезжал в Кашор-хаус. Но я забегая вперёд.

Сразу после приезда мама с папой по уши ушли в работу, предоставив нас с Лейлой самим себе. Как обычно. В те времена я думала, что Лейла самый интересный, красивый и разумный человек на свете. Я подражала сестре во всём, от причёски и манеры

сочетать рваные джинсы с просторными блейзерами до взвешенной речи. Каждое слово, произнесённое ею, было дороже золота. Я, маленькая надоедливая шпионка, обыскивала комнату Лейлы, ища секреты в загромождённом шкафу и между страницами дневника. Я восхищалась её быстро растущей коллекцией оккультных предметов, играла с кристаллами, листала книги, носившие такие названия, что по мне мурашки бежали. Приятно было испытывать трепет. Никакой замок не мог меня удержать, никакой тайник не оставался тайником надолго.

Но Лейла всегда была на шаг впереди — непостижимая и недостижимая.

Я с детства желала знать, где находится сестра. Нюх служил мне лучше любого GPS-приложения. Я таскалась за Лейлой повсюду. По ночам я вылезала из окна и шла за ней, ступая след в след. Но каждый раз я её теряла — она будто растворялась в тени. Конечно, Лейла знала, что я шпионю.

Однажды, когда я в очередной раз за ней пошла, она подождала меня на углу нашей улочки, в неровной тени аккуратно подстриженных кустов. Лейла была раздражена, судя по тому, как она постукивала пальцами по бедру, но... не только. В её тёмных глазах читалось любопытство. Ей понравилась моя ловкость? Моя преданность льстила сестре? В конце концов, я была самой большой фанаткой Лейлы задолго до «Вермиллион», задолго до того, как появилась орда «вэшников».

— Если я тебе скажу, куда иду, ты вернёшься домой? — спросила она.

Мы заключили договор. Я перестану следить за сестрой — пусть живёт своей загадочной ночной жизнью. А Лейла за это будет рассказывать мне о своих вылазках.

Я страстно ждала её рассказов. О мальчиках, с которыми она целовалась. О подпольных клубах, в которых танцевала. О барах, в которых бывала — при помощи поддельного удостоверения личности, позволявшего моей сестре, которой едва стукнуло шестнадцать, проникать в совершенно немислимые места. Родители ничего не знали. Лейла в их присутствии отлично играла роль воспитанной девочки. Но я знала настоящую Лейлу.

По крайней мере, мне так казалось. И я хранила её секреты.

Равновесие длилось до приезда в Кашор-хаус.

В этом доме мы нарушили все правила. Наши жизни так переплелись, что я уже не знала, где заканчивалась Лейла и начиналась я.

Естественно, когда Лейла заинтересовалась историей Кашор-хауса, я последовала её примеру.

Помимо блужданий по опалённым солнцем улицам Ливадии и поглощения кофе со льдом и шоколадных кексов, мы проводили время, роаясь в запылённых городских архивах и болтая с местными. Я даже не задавалась вопросом, почему Лейла сразу после переезда начала настоящее научное исследование. Может быть, её попросили родители, желавшие отыскать оригинальные планы Кашор-хауса. Но, как выяснилось, Лейлу интересовали вовсе не чертежи. Впрочем, я и не знала,

что сестра искала нечто конкретное... призрака. Настоящее привидение. И нашла. Так, во всяком случае, решили фанаты.

Мы выяснили, что Кашор-хаус построили для Петра фон Гана, барона русского происхождения, якобы чёрного мага. Этот шарлатан выдавал себя за брата мадам Блаватской. Помимо хорроров, Лейла всерьёз увлекалась оккультизмом. Хрустальные шары, свечи, заклинания и всё такое. Когда речь зашла об истории Кашор-хауса, тёмный маг просто обязан был её заинтересовать.

Фон Ган выстроил Кашор-хаус по образцу семейного поместья — Ласточкиного Гнезда в Ялте. Ливадия, с её высоченными скалами, оказалась идеальным местом для того, чтоб отдать дань памяти покинутой родине. Говорили, что особняк был назван в честь несчастной возлюблённой барона, знаменитой балерины, эмигрантки Адрианы Кашаровой. Её короткая, но бурная жизнь оборвалась во время землетрясения 1933 года, когда скала, на которой стоял дом, дала трещину. Принимавшая солнечную ванну Адриана рухнула в море вместе с частью внутреннего дворика.

Тело так и не нашли.

Ходили и другие слухи — например, что название Кашор-хауса содержало в себе имя некоей демонической сущности, которую фон Ган призвал, желая заключить договор в стиле Фауста. Демон, который жаждал заполучить человеческое тело и любил красный цвет, надул барона и отказался уходить. С тех пор он обитал в доме.

Только когда Лейла начала фиксировать нашу жизнь на камеру, я стала понимать, что́ за место мы называли домом. Будь я внимательнее, я, возможно, догадалась бы, что Лейла действует не наугад. Но я была слишком заморожена, чтобы в чём-то заподозрить сестру или понять, как сильно она рискует.

В начале нашего пребывания в Кашор-хаусе меня как будто постоянно окружал густой туман. Всё время было что-то не так — кружилась голова, тошнило, давило в груди. Когда я пожаловалась родителям, они решили, что это нервы, или аллергия на пыль, или просто первые месячные, хотя они действительно случились тем летом, только позже.

На четвёртую ночь в Кашор-хаус произошли странные вещи. Ту ночь я помню с отчётливостью, которой недостаёт многим моим более поздним воспоминаниям.

Мама уже легла спать, когда свет вдруг замигал и погас; папе пришлось идти к распределительному щиту. Лёжа в тёмной комнате, я прислушивалась к его удаляющимся шагам. И тут явилась Лейла и посветила фонариком мне в лицо.

— Пора встать и отправиться на поиски, София Премудая, — сказала она, театрально раскланиваясь. — Ночь наша. Секреты Кашор-хауса нас ждут.

Она начала в шутку звать меня Софией Премудрой, когда мне было лет шесть. Я не отличалась мудростью — по крайней мере, на свой взгляд, — но походила на учёную сову из какого-то мультика. У меня были большие круглые глаза и ку-